

УДК 81-144 + 81-112

DOI: 10.17223/19986645/46/5

О.А. Солопова

**МЕТАФОРА В МОДЕЛИРОВАНИИ БУДУЩЕГО: «СВЕТЛЫЙ»
СЦЕНАРИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОГНОСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
О РОССИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО, АМЕРИКАНСКОГО
И БРИТАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ XXI в.)¹**

В статье представлен фрагмент исследования синхронных моделей будущего России, выполненного в рамках лингвополитической прогностики, нового направления в исследовании политического дискурса. В прогностическом тексте ключевой единицей познания является концептуальная метафора. В статье показано, как метафора организует прогностический текст, задает направленность в «светлом» ключе, выступает конституирующим элементом прогноза, связывает разноплановые лингвистические средства выражения категории прогностичности, устанавливая функциональные связи между ними.

Ключевые слова: лингвополитическая прогностика, политический дискурс, будущее, прогностический политический текст, светлое будущее, метафора.

В статье представлен фрагмент работы, выполненной в рамках нового направления в исследовании политического дискурса – лингвополитической прогностики. В качестве категории прогностичность входит в предметы многих наук: философии, социологии, футурологии, политологии и др. В лингвистике содержание данной категории остается нечетким и размытым из-за отсутствия необходимых параметрических факторов. В этой связи обращение к изучению возможности прогнозирования с помощью лингвистических параметров является актуальным. Парадигма современной науки характеризуется конвергенцией исследовательских направлений и областей знания, интеграцией и взаимопроникновением наук и технологий, что позволяет выстроить исследование не только на собственно лингвистических основах, но и в рамках понятийной логики социолого-философских наук.

Актуальность исследования определяется также значимостью прогнозирования в онтологическом аспекте: прогностическая способность является базовой когнитивной функцией, а возможность долгосрочного прогнозирования – коренное отличие психики человека от психики животных. В социальном плане прогнозирование – основа любого управленческого процесса, в том числе государственного управления.

Будущее является одной из отвлеченных и неосязаемых категорий. Оно неизбежно нагружено разного рода ожиданиями, которые формируются задолго до того, когда событие произойдет. Любое событие совершается «в русле очень большой длительности при посредстве структурирующих эффектов социальных и политических отношений» [1. С. 70]. Поэтому моделирова-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

ние будущего в политическом дискурсе и его интерпретация требуют определенных «концептуальных» операций.

В проведенном исследовании [2] разработана авторская трехуровневая методика диахронического сопоставительного лингвополитического изучения образных и иных стилистических средств, направленных на репрезентацию будущего в политическом дискурсе, включающая внутридискурсивное и междискурсивное сопоставление синхронных и диахронных моделей, каждая из которых состоит из матрицы (статической / динамической), системы метафорических моделей (в синхронии и диахронии) и лингвопрогнозного сценария (статического / динамического). Три уровня модели обеспечивают одновременную преемственность и изменяемость концептуализации будущего. Матрица будущего, ее фрагменты (явления объективной реальности, концептуальные домены, их видовые составляющие) получают вербальное отображение, превращаясь в многоцветные, объемные образы, изменяющиеся во времени благодаря метафорическим моделям, в рамках которых репрезентируется будущее России. Данная методика позволяет оптимально продемонстрировать статические и динамические аспекты прогнозирования в сочетании с имплицитностью / эксплицитностью прогноза (от минимальной динамичности на первом уровне через выраженную имплицитно динамику второго уровня к эксплицитной динамичности третьего уровня).

В качестве материала исследования использованы *прогностические политические тексты* – тексты политической проблематики, предметом отображения которых является анализ настоящих тенденций и будущих перспектив развития ситуации либо последствий выбора одной из альтернатив (положительной / отрицательной), призванные воздействовать на адресата при помощи продвижения образов будущих реальностей для получения желаемого результата, а также на политическую ситуацию в целом с целью ее изменения. Разветвление лингвопрогнозного сценария на «светлое» и «мрачное» будущее четко демонстрирует мифологизированность хронотопа политического дискурса.

В лингвопрогножном сценарии ядром оценочной стороны выступает политическая метафора: высокая степень эмоциональной подвижности прогноза, обилие оценочных суждений вызывают к жизни концептуальные метафоры для моделирования ситуаций настоящей действительности и прогнозирования ее последствий, что, как неоднократно отмечалось [3–6], доказывает: именно метафора является конститутивным, системообразующим свойством предвосхищающего мышления.

Задачи исследователя в рамках настоящей статьи – показать, как метафора организует прогностический текст / контекст, выступая связующим, конституирующим элементом содержательно-смыслового пространства прогноза, определяя направленность прогностического текста / контекста в «светлом» направлении, иные лингвистические средства, работающие на семантику будущего, служат формальной организации прогностического текста / контекста, дополняя светлый вариант развития настоящего в будущее, создавая его цельный панорамный фрагмент; проиллюстрировать на конкретных примерах различные типы организации прогностического текста / контекста.

Материал исследования получен путем сплошной и репрезентативной выборки из политических текстов средств массовой информации и составил 3000 контекстов в каждом их анализируемых дискурсах [7–12]. Источниковая база представлена прессой за период с 2000 по 2014 г. В качестве параметров, выбранных для сопоставления, выступают соотношение метафорической и неметафорической вербализации будущего России; соотношение употребления стертых и авторских образов; количество метафорических моделей, участвующих в лингвистическом обеспечении статических матриц каждого периода; доминантные для каждого дискурса модели.

В политических дискурсах трех стран в лингвистическом наполнении статических матриц будущего современного хронологического среза метафорические контексты доминируют над неметафорическими (рис. 1).

Преобладание метафорических контекстов над неметафорическими в наполнении рассматриваемой синхронной модели свидетельствует о том, что будущее России является одной из острых, злободневных тем не только в отечественном политическом дискурсе, но и в прогностических текстах США и Великобритании.

Наиболее метафоричной является статическая матрица, созданная на базе корпуса текстов современного американского политического дискурса: для корпуса американских текстов типичен значительный перевес образной репрезентации будущего России над неметафорическими контекстами, а также наибольший показатель индивидуально-авторских образов по сравнению с двумя другими странами, что обусловлено прежде всего дискурсивными факторами: геополитическим противостоянием России и США времен холодной войны, международной политической обстановкой современности, «неровными» отношениями двух стран: периодами взлетов и падений, характерными для начала 2000-х гг., эскалацией напряженности во взаимоотношениях в связи с разногласиями в вопросах внешней политики, геополитическим противостоянием России и США.

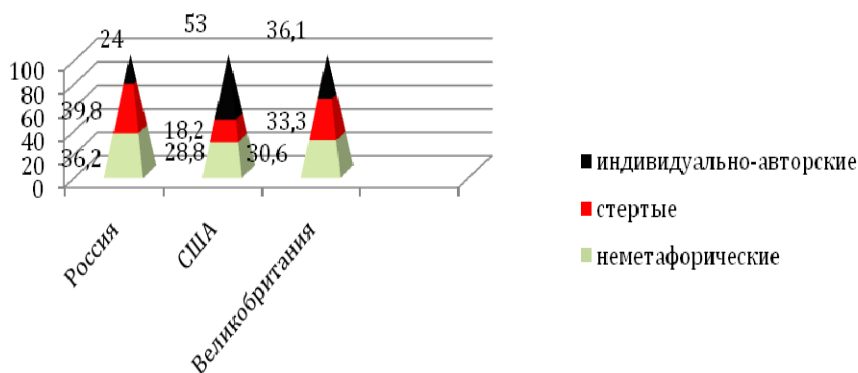

Рис. 1. Сравнительная диаграмма репрезентации образа будущего России в прогностических текстах отечественного, американского и британского дискурсов (начало XXI в.), %

Стоит отметить также, что для современных представлений о будущем России именно для отечественного дискурса характерен наименьший процент метафорических контекстов в целом и ярких, авторских образов в частности, что может говорить об относительно «метафорическом затишье», большей уверенности страны в собственном будущем по сравнению с США и Великобританией.

В лингвистическом обеспечении статической матрицы «Будущее России», созданной на основе анализа британского политического дискурса, как и в американских текстах, образные контексты доминируют над неметафорическими, индивидуально-авторские, яркие метафорические словоупотребления – над стертыми. Этот факт также может быть объяснен дискурсивными факторами: статусом «особых» отношений между двумя государствами, их развитием по самостоятельной линии на военном, политическом и экономическом уровне [13. С. 7], сотрудничеством США и Великобританией, основанным на тесной экономической, политической и культурной интеграции, наличием тесных культурно-исторических и этнолингвистических связей.

Таблица 1. Система метафорических моделей, функционирующих в политических дискурсах России, США и Великобритании (начало XXI в.)

№	Название метафорической модели (ММ)	Россия	США	Великобритания
1	ММ пути	18,2% I	8,2% V	10,4% IV
2	ММ неживой природы	11,2% II	9,3% IV	7,8% V
3	Морбиальная ММ	9,8% III	18% I	3,8%
4	Монархическая ММ	6,9% IV	12,4% III	3,7%
5	Зооморфная ММ	6,2% V	13,6% II	7,1%
6	Механистическая ММ	5,5%	3,8%	2,5%
7	Милитарная ММ	5,4%	2,9%	16,9% I
8	Криминальная ММ	4,2%	3,3%	13,4% II
9	Метафора строительства	4,2%	1,8%	2,5%
10	Фитоморфная ММ	4,1%	0,9%	1,4%
11	ММ Игры	3,8%	7,4%	10,8% III
12	Физиологическая ММ	3,5%	3,0%	2,8%
13	Театральная ММ	3,1%	4,4%	6,8%
14	Инструментальная ММ	2,9%	1,9%	1,7%
15	ММ Дома	2,9%	–	–
16	Метафора родства	2,7%	3,6%	1,9%
17	Педагогическая ММ	2,6%	2,3%	–
18	Спортивная ММ	2%	3,2%	4,9%
19	Религиозная ММ	0,5%	–	0,8%
20	ММ Торговли	0,3%	–	0,8%

Следует особо подчеркнуть, что наиболее разнообразен по количеству метафорических моделей, в рамках которых репрезентируется будущее России в целом (*обе альтернативы развития*, мрачная и светлая), отечественный дискурс, в нем зафиксированы 20 сфер-источников метафорической экспансии, однако отметим, что в большей части контекстов используются стертые метафорические единицы. Численность сфер метафорического притяжения, задействованных в конструировании модели будущего, составляет

18 сфер-источников в британском дискурсе и 17 в американском дискурсе (табл. 1; полужирным шрифтом обозначены пять наиболее частотных моделей, реализующихся при моделировании будущего в каждом дискурсе, римские цифры показывают их распределение по шкале частотности в дискурсе каждой страны).

Прагматический потенциал рассмотренных концептуальных метафор разнообразен по содержанию коннотативной нагрузки при моделировании будущего. С одной стороны, в рамках одной метафорической модели, употребляющейся для создания образа будущего России, могут реализовываться различные содержательные аспекты, нацеленные на конструирование как негативного, так и позитивного сценария будущего, что в значительной степени зависит от дискурсивных характеристик и доказывает, *во-первых*, субъективность репрезентации будущего России в анализируемых дискурсах: конструкт будущего России напрямую связан с темпоральностью тех, кто конституирует его, детерминирован идейно-политическими установками аудитории, исторически сформировавшимися стереотипами мышления, инерцией свойственных ей культурно-политических предрасположений, штампами исторической памяти; *во-вторых*, субъектоцентричность прогностических текстов, т.е. структурирование будущего государства (своего или чужого), исходя из собственных интересов, приоритетов, целей, из видения собственных перспектив и себя / своей страны в прогнозируемом будущем.

С другой стороны, заданная автором прогностического текста тональность диктует выбор определенных метафорических моделей, что в свою очередь влияет на использование иных лингвистических средств (видовременных форм глаголов, модальных глаголов, обстоятельственно-лексических маркеров и др.).

Поскольку цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проиллюстрировать, как метафора определяет «крайнюю» светлую альтернативу будущего, выстраивая единую смысловую нить прогностического текста / контекста, остановимся на тенденциях, типичных для конструирования светлого полюса будущего.

Данные проведенного исследования современного хронологического среза свидетельствуют о том, что в политических дискурсах трех стран моделирование «светлого» будущего носит преимущественно *окаzionaliальный* характер: 17,6% (344 контекста) в российском политическом дискурсе, 6,7% (149 контекстов) и 6,6% (141 контекст) в американском и британском корпусах текстов соответственно: *Сквозь свинцовые мерзосты нашей многозаботной жизни все же начинают проглядывать лучи надежды. Вселяющей веру в более благостный завтрашний день России* (Литературная газета, 19.01.2011). *The key to Russia's future security is in the rapid development of the country's economy. As the Russian economy continues to grow, it will help provide Russia with the resources to finance the social and security needs of its people*¹ / The New York Times, 26.12.2001 (US). *Russia will be Europe's biggest economy*

¹ Ключ к будущей безопасности России в быстром развитии экономики страны. Так как российская экономика продолжает расти, это поможет России создать условия для финансирования социальных потребностей населения и обеспечения его безопасности.

*by 2030*¹ (The Guardian, 18.01.2013 (GB)). Следует подчеркнуть, что в своем видении будущего России авторы прогностических текстов в современных политических дискурсах трех стран редко предлагают аудитории позитивный вариант развития событий. Наибольшее количество контекстов, репрезентирующих «крайний» светлый образ будущего, зафиксировано в российском политическом дискурсе. Данный факт можно объяснить тем, что граждане государства с большей долей вероятности разглядят позитивные черты в будущем своего отечества, нежели представители чужой страны.

Следует подчеркнуть, что материал трех дискурсов современного хронологического среза показывает, что тенденции, характерные для моделирования светлого полюса будущего России, контрастируют с данными, полученными в ходе анализа лингвистического обеспечения моделей будущего в целом, включающего обе альтернативы развития (мрачную и светлую). В конструировании светлого сценария наибольшую активность проявляют *неметафорические контексты* и *стертые метафоры* (рис. 2).

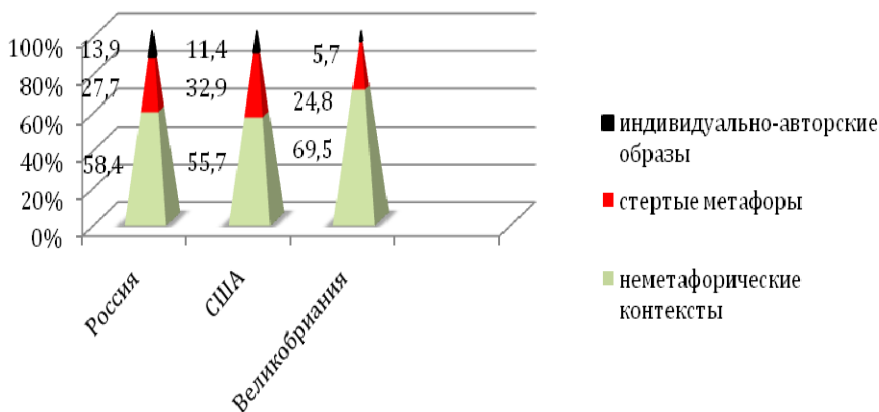

Рис. 2. Сравнительная диаграмма репрезентации образа «светлого» будущего России в прогностических текстах отечественного, американского и британского дискурсов (начало XXI в.)

Полученные данные можно объяснить тем, что, как отмечалось ранее, репрезентация «крайней» светлой альтернативы развития настоящей ситуации менее частотна в современных политических дискурсах трех стран. Большую часть прогностических текстов из обработанных корпусов текстов российского, американского и британского политических дискурсов составляют контексты, ориентированные на конструирование «мрачного» будущего: чем выше потенциальная враждебность, нагнетание надвигающейся угрозы и потребность сбалансировать своего системного конкурента либо нейтрализовать его, тем больше негативных значений втягивается в конструкцию будущего, тем более сложна, многогранна и метафорична «мрачная» альтернатива будущего России и, как следствие, менее востребован и метафоричен его «светлый» вариант.

¹ К 2030 г. Россия станет крупнейшей экономикой Европы.

Для российского дискурса при моделировании вероятного позитивного исхода ситуации настоящего доминантными метафорическими образами являются метафоры пути (28,6%), дома и строительства (27,3%), неживой природы (20,9%); в американском дискурсе в вербализации светлой стороны будущего России наиболее активно участвуют метафоры пути (28,8%), болезни (21,2%), игры (12,1%); для британского дискурса в моделировании светлого полюса ожидаемых событий задействованы единицы источниковых сфер пути (34,9%), театра (20,9%), игры (13,9%).

Для отечественного политического дискурса начала XXI в. одними из доминантных образов являются метафоры дома и строительства, которые «созидают» светлое будущее. Причины особой значимости рассматриваемых метафор в рамках моделирования светлого будущего кроются в том, что строительство ассоциативно связано с позитивными преобразованиями, с возможностью сформировать, «выстроить» собственную уникальную цивилизационную миссию, представляя будущее как объект творения. Лингвокультурологи неоднократно отмечали, что метафора дома и составляющих его конструктов является ключевой константой культуры, одной из самых ранних артефактных метафор, матрицей, с которой соотносятся основные элементы и категории картины мира [14. С. 139; 15. С. 103; 16. С. 161–162]. Дом является условием человеческой жизни, он помогает, защищает, служит человеку, воспитывает и изменяет его: *Мы должны шаг за шагом начать восстанавливать нашу русскую крепость. Сделать ее неприступной... После поражения России в Крымской войне канцлер Горчаков сказал, что Россия «закрывается». Закрывается, чтобы сосредоточиться, перестроиться, реформироваться. Сегодня этот лозунг актуален как никогда. Мы должны «закраться». Не отгородиться от мира очередным «железным занавесом» или колючей проволокой, а дать ясно понять, что нам больше нет дела до окружающего мира, до американских «общечеловеческих» и прочих ценностей. Мы должны заняться, наконец, только своими проблемами, сообразуясь и советуясь лишь с собственной историей и традициями, не обращая внимания на весь остальной мир и не считаясь с тем, что он будет думать о нас* (Агентство Политических Новостей.ру, февраль 2002). В представлении светлых сторон будущего метафора дома-крепости является символом защиты, стабильности, безопасности. Желание быть закрытым, отгороженным от остального мира переносится на скрытую от внешнего взгляда дом-крепость (русск. *Мой дом – моя крепость*), родное, безопасное место, где человек испытывает чувство покоя и умиротворения, где можно восстановиться, вновь поверить в свои силы и решить насущные проблемы (русск. *Дома и стены помогают*).

Важнейшим средством актуализации прогностической функции метафоры являются интертекстуальные включения, предоставляющие исторические аналогии для решения задач, стоящих перед современным государством, акцентирующие обратимость времени в политическом дискурсе, возможность общества возвратиться в любое состояние, которое уже происходило: «...определенная сумма событий или небольшое событие, даже случай могут вызвать цепь лавинообразных, синергетических процессов, которые, действуя нелинейно, возвращают общество в прошлое политическое состояние»

[17. С. 61–62]. Обращенность прогностического контекста в будущее не исключает его направленность в прошлое, а, наоборот, актуализирует смыслы и факты уже свершившихся событий. Событие или личность из прошлого становится символом настоящего и особенно будущего (*После поражения России в Крымской войне канцлер Горчаков сказал, что Россия «закрывается». Закрывается, чтобы сосредоточиться, перестроиться, реформироваться*). Личностью из прошлого, определяющей вероятное развитие событий в будущем, в рассматриваемом прогностическом контексте является министр иностранных дел, последний канцлер Российской империи, князь А.М. Горчаков, в течение пятидесяти лет защищавший интересы Российской империи на международной арене, с именем которого связаны все внешнеполитические деяния царствования императора Александра II (присоединение Средней Азии, продажа Аляски, заключение выгодных договоров с Китаем и Японией, война с Турцией, восстановление прежнего величия Российской империи на внешнеполитической арене) [18].

После поражения в Крымской войне (1853–1856) А.М. Горчаковым была сказана фраза, ставшая впоследствии крылатой: «Говорят, что Россия сердится. Нет, Россия не сердится, Россия сосредотачивается». Автор прогностического контекста призывает современную Россию к временному отказу от активной внешнеполитической деятельности, к невмешательству в международную жизнь, к продумыванию эффективных механизмов многостороннего обеспечения стабильности внутри страны, к внутреннему реформированию и обустройству дома-крепости, где страна сможет собраться с силами и, как в XIX в., вернуть престиж на международной арене (*Мы должны заняться, наконец, только своими проблемами, сообразуясь и советуясь лишь с собственной историей и традициями, не обращая внимания на весь остальной мир и не считаясь с тем, что он будет думать о нас*). Предлагаемый вариант «закрытия» России не предполагает изоляции и возврата к военной и идеологической конфронтации с Западом времен Советского Союза (*Не отгородиться от мира очередным «железным занавесом» или колючей проволокой*), скорее, говорит о том, что Россия, являясь самодостаточным геополитическим субъектом, будет определять свои интересы и векторы развития способами, которые не всегда гармонируют с интересами ведущих западных стран, она намерена ориентироваться на собственные представления о добре и зле, на собственную историю и культуру.

Вербальные ники интеграции (инклюзивное *мы*, лексемы совместности *нам, нас*) позволяют адресату отождествлять себя с адресантом, апеллировать к общей национальной принадлежности, разделяя с адресантом ответственность за будущую судьбу России, русской «крепости», вовлекая его в решение поставленных задач.

Сложные формы сказуемого, включающие модальный глагол «должны» и глагол совершенного вида в форме инфинитив (*должны начать восстанавливать, должны «закрыться», должны заняться*) указывают на объективную необходимость действий и акцентируют ее. Предлагаемые шаги организованы как список задач, которые необходимо решить в будущем. Обращают на себя внимание парцеллированные предложения. Парцелляция, являющаяся, по мнению О.А. Турбиной, одной из основных грамматических категорий

эмотивного синтаксиса [19. С. 6], формирует особые структурные типы эмотивных предложений, способствуя чувственно-образному восприятию и эмоциональному осмыслению поступающей информации. В анализируемом контексте парцелляты являются коммуникативным ядром, выступая носителем актуальной, значимой информации для прогностического контекста в целом, они позволяют акцентировать, уточнить и пояснить заявленные ранее шаги в светлое будущее (*Сделать ее неприступной. Не отгородиться от мира очередным «железным занавесом» или колючей проволокой, а дать ясно понять...*).

В целом следует отметить, что в отечественном лингвопрогностном сценарии современного хронологического среза светлое будущее выражено слабо, его образ хрупок и условен: оно условно «светлое», «немрачное», представляет собой, скорее, программу действий, допущение некоторой вероятности альтернативы, противопоставленной мрачному полюсу при условии ее выполнения.

«Диффузность» образа светлого будущего России свойственна также англоязычным лингвопрогностным сценариям, созданным на основе анализа современного хронологического среза. Наиболее типичны для двух дискурсов типы прогностических контекстов, в которых моделирование будущего двунаправленно: аргументируются оба варианта развития событий (светлый / мрачный) либо прогностические контексты, вербализующие светлую крайнюю альтернативу будущего, в которых имплицитно встроен второй, диаметрально противоположный мрачный вариант развития.

Развертывание двух альтернатив будущего иллюстрирует следующий контекст: *What does the future hold for Russia? Some see the sudden spurt of growth over the last four years as an indicator of more improvements to come, and they expect Russia soon to leave the ranks of middle-income countries. They emphasize the country's advanced human capital, its reformed tax system, and its mostly open economy. Others see bureaucratic regulations and politicized interventions as serious barriers that will stymie Russia's growth. In politics, optimists anticipate increased democratic competition and the emergence of a more vigorous civil society. Pessimists predict an accelerating slide toward an authoritarian regime that will be managed by security-service professionals under the fig leaf of formal democratic procedures*¹ (Foreign Affairs, 03.03.2004 (US)).

Риторический вопрос, употребленный в сильной позиции прогностического контекста, инициирует рассуждение о будущем России. Он обращен к адресату, вовлекая реципиента в раскрытие тайны политического будущего

---

¹ Что ждет Россию в будущем? Одни считают ее неожиданный рост в течение последних четырех лет и внезапный рывок вперед показателем еще больших позитивных преобразований, которые должны произойти, и ожидают, что в ближайшее время Россия покинет группу стран со средним уровнем дохода. Они делают ставку на передовой человеческий капитал страны, реформированную налоговую систему и ее большей частью открытую экономику. Другие считают бюрократический аппарат и вмешательства политического характера серьезными барьерами, которые затормозят развитие России. В политическом плане оптимисты предвидят увеличение демократической конкуренции и появление более жизнеспособного гражданского общества. Пессимисты предсказывают все ускоряющееся движение (*досл.* сползание) к авторитарному режиму, в котором власть будет осуществляться профессионалами службы безопасности под фиговым листком формальных демократических процедур.

современной России. Вопрос зависит от контекста, его риторичность раскрывается на фоне всего объема представленного прогностического контекста (*What does the future hold for Russia?*), в котором наряду с оптимистической трактовкой будущего России представлен его пессимистический вариант.

В рамках создания образа «светлого» будущего активны пространственные метафоры, предлагающие возможности для «роста» и «рывков вперед», а также лексические единицы с семами «развитие», «увеличение», «появление (нового)» (*the sudden spurt of growth, more improvements to come, the country's advanced human capital, in creased democratic competition, the emergence of amore vigorous civil society). Показательна стертая метафора *the sudden spurt of growth*. Несмотря на то, что сема внезапности входит в значение лексемы *spurt* согласно дефинициям, предлагаемым в словарях¹, в контексте признак внезапности дублируется прилагательным *sudden*, интенсифицируя быстроту экономического взлета России.*

В оппозиции к единицам, вербализующим вероятное развитие и рост страны, ее быстрое движение из настоящего в будущее, употребляются метафоры источниковой сферы «путь», задействованные в моделировании мрачного полюса будущего (*serious barriers, to stymie Russia's growth, an accelerating slide*). «Внезапному усилению роста» (*the sudden spurt of growth*), которое является первым фактом в аргументировании альтернативы светлого будущего, противопоставлено «все убыстряющееся скольжение» к авторитаризму (*an accelerating slide*), представленное в предложении, закрывающим прогностический контекст. Ускоренное экономическое усиление России, которое не будет сопровождаться ее внутренней демократизацией, представляет серьезную опасность для США, что активизирует в рассматриваемом контексте единицы, «блокирующие» ее продвижение вперед. Усиливающаяся Россия, прикрываясь фиговым листом «формальных демократических процедур», будет играть негативную роль на мировой арене и заставлять США тратить свою внешнеполитическую энергию на блокирование имперских устремлений авторитарной, но экономически сильной страны.

Помимо будущих видовременных форм глаголов (*will stymie, will be managed*), являющихся основным грамматическим средством, кодирующим темпоральность текста, направленность в будущее передается глаголами в настоящем времени в значениях «ожидать, предвидеть, предчувствовать, предсказывать, прогнозировать» (*to anticipate, to predict, to see (as an indicator)*), а также инфинитивом в атрибутивной функции, способным реализовывать модальные значения долженствования и вероятности (*more improvements to come*). Зависимость модальных оттенков инфинитива от ситуативного контекста показательна, поскольку, если рассматривать его в пределах отрывка, ориентированного на моделирование светлого будущего, речь пойдет о еще больших позитивных преобразованиях, которые должны произойти; на фоне всего объема прогностического контекста облигаторность,

---

¹ a sudden gush, a sudden brief burst of effort, activity, or development [22]; a sharp or sudden increase in activity [20]; внезапное, резкое усиление активности.

скорее всего, будет замещена на вероятность: позитивные преобразования, которые могут произойти.

Данный прогностический контекст представляет собой характерный для современных политических дискурсов трех стран вид прогностического контекста, где альтернатива светлого будущего обязательно дополняется ее эксплицитно представленным полярным вариантом.

Проиллюстрируем на примере особенности репрезентации светлого будущего в британском лингвопрогножном сценарии современного хронологического среза: *It's not to say that Russia isn't able to become a leader. The largest oil producer in the world, and with its 2011 GDP (PPP) ranking just below Germany, Russia does seem like a candidate to become Europe's leading economy by 2030 and stay that way well into 2050. But that's only if you make a prognosis based on the utopia that strict economic policies, not politics, rule these wintry lands. Russia's interior policy is almost designed to keep its economy back. Russia, although a candidate to become Europe's leading economy judging by the growth of its PPP, is still a country that can take an unpredictable turn and is likely to never find a path to European economic leadership, regardless of its proven oil and gas reserves, strategic location or any other benefits it might have. If Russia is going to become a leading European economy by 2030, it certainly needs to fix its own economy – something this country's current leadership is unlikely to attain¹* (TheGuardian, 18.01.2013 (GB)).

В начале прогностического контекста декларируются возможность и способность России стать лидером на европейском экономическом рынке (*It's not to say that Russia isn't able to be come a leader*): путь к «светлому» будущему лежит через экономический рост и интеграцию в торговый и инвестиционный рынок Европы. Выражение *to be able* моделирует ситуацию, в которой государство в конкретный момент времени обладает возможностями, достаточным влиянием, средствами и ресурсами, чтобы занять лидерские позиции². Территориальные размеры, геополитическое положение Российского государства, его природно-ресурсный потенциал и человеческий капитал являются теми ресурсами, которые могут обеспечить ей светлое будущее. Хронографические указатели фиксируют определенные даты на оси времени, задавая светлому будущему пределы (*by 2030, into 2050, by 2030*).

¹ Совсем не значит, что Россия не сможет стать лидером. Крупнейший производитель нефти в мире, с ВВП (ППС) чуть ниже Германии в 2011 г., Россия кажется кандидатом на место ведущей экономики Европы к 2030 г., которой она может остаться до 2050 г. Но это возможно только в случае, если делать прогноз, основанный на утопии, предполагающий, что жесткий экономический курс, а не методы ведения политики, управляя этими холодными неприветливыми землями. Внутренняя политика России устроена так, чтобы сдерживать ее экономическое развитие. Россия, хотя и является кандидатом на место ведущей экономики в Европе, судя по росту ее ППС, по-прежнему остается страной, которая может сделать непредсказуемый поворот и никогда не найти путь к европейскому экономическому лидерству, невзирая на имеющиеся в ее распоряжении запасы нефти и газа, стратегическое местоположение и любые другие преимущества, которые у нее могут быть. Если Россия собирается стать ведущей европейской экономики к 2030 г., ей непременно нужно отрегулировать собственную экономику, что вряд ли сможет добиться нынешнее руководство страны.

² *to be able to – to have the ability to do something or the possibility of doing something [22]; to have sufficient power, skill, or resources to accomplish an object; used to say that the quality or condition of something makes something possible [20].*

С одной стороны, введение вспомогательного глагола в утвердительное повествовательное предложение (*Russia does seem like a candidate to become Europe's leading economy*) нацелено на акцентирование возможности России стать лидером в европейском экономическом пространстве, с другой стороны, в смысловом глаголе *to seem*¹ заложены неуверенность, отсутствие убежденности в истинности сообщаемого.

Утопичность светлого будущего России (*that's only if you make a prognosis base don't be utopia*), его «условность» поддерживаются введением в прогностический контекст союза и предлога с уступительным значением (*although a candidate to become Europe's leading economy; regardless of its proven oil and gas reserves, strategic location or any other benefits it might have*), которые констатируют противоречие между настоящей ситуацией и будущим положением дел, их несоответствие друг другу: хотя Россия и является кандидатом на европейское лидерство (a candidate – a person who meets all the requirements for something [20]), принимая во внимание рост ВВП, в настоящем она до сих пор остается непредсказуемой и вряд ли найдет путь к европейскому лидерству, независимо от ее соответствия требованиям, предъявляемым к такого рода кандидатам: нефтегазовым запасам, стратегическому положению и иным преимуществам, которые у нее могут оказаться. Использование в составе глагольного модального сказуемого глагола *might* в значении предположения с оттенком неуверенности, ставит под сомнение возможности и ресурсы государства, которые не оспаривались при концептуализации будущего в начале прогностического контекста (*its proven oil and gas reserves, strategic location or any other benefits it might have*).

Использование футурально-модальной конструкции «to be unlikely» (*this country's current leadership is unlikely to attain*), имеющей значение маловероятного, неправдоподобного предположения, характеризует современное правительство России как беспомощное, неспособное стабилизировать экономическую ситуацию внутри страны, которая отбрасывает государство в прошлое (*Russia's interior policy is almost designed to keep its economy back*), и, следовательно, переносит наступление светлого будущего, связанного с экономическим господством в Европе, на неопределенный срок.

Проблематичность, невозможность экономического лидерства России в Европе акцентируется использованием конструкции «to be likely» в значении «предположения, граничащего с уверенностью», «будущего действия с большой степенью вероятности» в сочетании с расщепленным инфинитивом (*Russia is likely to never find a path to Europe an economic leadership*). Е.М. Попкова отмечает, что в английском языке разорванная инфинитивная конструкция выполняет некоторые функции, которые не могут быть выполнены обычными «нерасщепленными» маркированными инфинитивными оборотами [21. С. 50]. В рассматриваемом контексте постановка наречия *never* между инфинитивом и его маркером используется для создания эмфазы, в целях особого подчеркивания значения употребляемого наречия: как бы Россия ни старалась, какими бы талантами, ресурсами и капиталом ни обла-

---

¹ to seem – to appear to be something or to do something; to give the impression of being [20, 22]; казаться.

дала, ей никогда не стать ведущей державой в европейском экономическом пространстве.

Россия воспринимается Европой, скорее, как часть политического антуража, с которой придется иметь дело, нежели как равноправный партнер и тем более государство, претендующее на лидерские позиции в Европе. Маркером чуждости в анализируемом прогностическом контексте выступает метафорическое сочетание *wintery lands*, в котором атрибутивное прилагательное *wintery* употребляется не столько в своем прямом значении, описывая особенности климатических условий в России¹, сколько нацеливает на восприятие страны как чужеродной Европе по своей культуре, системе ценностей, поведению и представлениям².

Метафора *wintery lands* транслирует прагматические смыслы, сходные со смыслами, типичными для британского лингвопрогностического сценария ретроспективного среза (северный медведь, северный колосс, ледяная глыба), символизируя холод, заморозки, лед, который сковывает реки, не позволяя воде течь свободно; точно так же и политико-экономическая ситуация современной России мешает свободному движению страны вперед, в светлое будущее, к интеграции в европейский мир, равноправному партнерству, не говоря о возможности лидерства в Европе.

Рассмотренный прогностический контекст в полной мере иллюстрирует моделирование «условной» светлой альтернативы будущего России, заявленной в его абсолютном начале, в которую эксплицитно и имплицитно встроен диаметрально противоположный, мрачный вариант будущего.

Таким образом, междискурсивным сходством современных лингвопрогностических сценариев будущего России, созданных на основе анализа отечественного, американского и британского политических дискурсов, является условность образа «светлого» будущего, преобладание стертых метафор над образными в моделировании светлого полюса будущего, неметафорических прогностических контекстов над метафорическими. Тем не менее проведенный анализ прогностических текстов доказывает ценностную ядерность метафор (как образных, так и стертых) в содержательно-смысловом пространстве прогноза. Метафора задает направленность прогностического текста / контекста в «светлом» или в «мрачном» ключе, организуя текст / контекст, выступая его конституирующим элементом, связывая разноплановые лингвистические средства выражения категории прогностичности, устанавливая функциональные связи между ними, скрепляя их в единое концептуальное целое. Метафора обладает способностью к текстообразованию: она выстраивает единую смысловую нить прогностического текста / контекста, на которую «нанизываются» частные смыслы, формируемые иными лингвистическими средствами.

---

¹ *wintery* – relating to, happening during, or typical of winter [19]; weathered by or as if by winter [22]; зимний.

² *wintery* – not cheerful, unfriendly [22]; унылый, неприязненный, враждебный.

Литература

1. *Farge A.* Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des actrices sociaux // *Terrain*. 2002. № 38. P. 69–78.
2. *Солопова О.А.* Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 606 с.
3. *Базылев В.Н.* Предвосхищение и язык // Предвосхищение и язык: материалы Всерос. науч. конф., Москва, сентябрь 2012 г. М., 2012. С. 9–50.
4. *Даннеберг Л.* Смысл и бессмысленность истории метафор // История понятий, история дискурса, история метафор: сб. статей / под ред. Х.Э. Бедекера; пер. с нем. М., 2010. С. 189–297.
5. *Шапошников В.Н.* Логика опережающего отображения в системе русского языка // Предвосхищение и язык: материалы Всерос. науч. конф., Москва, сентябрь 2012 г. М., 2012. С. 287–306.
6. *Judge A.* Future coping strategies beyond the constraints of proprietary metaphors, 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.laetusinpraesens.org>. (дата обращения: 12.05.2005).
7. *Электронный фонд национальной библиотеки* [Электронный ресурс]. URL: <http://leb.nlr.ru>
8. *Top US Newspapers on the Internet: Online Editions* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thebigproject.co.uk/USNewspapers>
9. *UK Directory of Newspapers: UK Daily Newspaper, Online Newspapers & Magazines List* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.free-onlinenewspapers.com/uk-newspapers-online.html>
10. *UK Newspapers: national, local, daily, weekly, plus major magazines & portals* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wrx.zen.co.uk/britnews.htm>
11. *US Newspapers: US Newspaper List* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usnpl.com>
12. *US NewspapersOnline* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onlinenewspapers.com/Top50/Top50-CurrentUS.htm>
13. *Минаев М.В.* Америко-британские отношения в начале XXI века: автореф. дис. ... канд. политол. наук. М., 2008. 33 с.
14. *Кондратьева О.Н.* Метафорическое моделирование концепта «душа» в древнерусской лингвокультуре / под ред. М.В. Пименовой. М.: Перо, 2014. 188 с.
15. *Лассан Э.* О соотношении концепта «дом» с другими концептами в текстах русской культуры // Текст: узоры ковра. Ставрополь, 1999. Вып. 4, ч. 1. С. 103–105.
16. *Стоянова Е.В.* Метафора сквозь призму лингвокультурной ситуации/ Шумен: УИ «Епископ Константин Преславски», 2013. 276 с.
17. *Венгеров А.Б.* Политическое пространство и политическое время (опыт структурирования понятий) // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 49–63.
18. *Андреев А.Р.* Последний канцлер Российской империи. Александр Михайлович Горчаков: Документальное жизнеописание. М.: Белый волк: Крафт: ГУП «Облиздат», 1999. 150 с.
19. *Турбина О.А.* Природа эмотивного синтаксиса и его категории // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Лингвистика. 2013. Т. 10? № 2. С. 4–9.
20. *Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language.* N.Y.: Gramercy books, 1996. 2256 p.
21. *Попкова Е.М.* Функции расщепленного инфинитива на фразематическом и пропозиционном уровнях языка // Вопр. филол. наук. 2009. № 6. С. 46–50.
22. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary.* Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 1852 p.

METAPHOR IN MODELING THE FUTURE: THE BEST-CASE SCENARIO (BASED ON POLITICAL DISCOURSES OF RUSSIA, THE USA AND GREAT BRITAIN, THE 21ST CENTURY)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 46. 55–70. DOI: 10.17223/19986645/46/5

Olga A. Solopova, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: solopovaolga@yandex.ru

Keywords: linguistic political prognostics, political discourse, future, prognosticating political text, best-case scenario, metaphor.

Nowadays the problem of the future has merged with an utmost urgency. In the world of forecasts the object of the analysis is political predictions, with the political system and political processes being its main targets.

Linguistic political prognostics is a new synthesis of theories and conceptions of the future proposed in future studies, political science and cognitive linguistics. The paper presents a piece of the author's approach to studying models of Russia's future in contemporary Russian, American and British political discourses with the help of methods and tools of linguistic political prognostics. The material for the analysis comprises 3000 contexts in each of the three discourses. Methods used for its collecting are continuous and representative sampling. The scope of the present research is political texts of Russian, American and British mass media. The period analyzed is 2000–2014. The synchronic analysis allows both the author and the audience to look through the text at the part of the "present reality" that lies behind this text and at the model of the future constructed in it.

Any scenario describes two alternative futures, the best-case scenario and the worst-case scenario. The paper briefly describes the best-case scenarios of Russia's future in Russian, American and British discourses and most frequent types of prognosticating political texts depicting best-casescenarios in the three discourses.

The paper deals with the peculiarities of Russia's future representation, as well as with the general activity of metaphorical units (correlation of metaphorical and non-metaphorical verbalization of Russia's future), correlation of "common" and "bright" metaphors, the number of metaphorical models fixed in this or that discourse, peculiarities of dominant metaphorical models potraying Russia's future as HOME, PATH, INANIMATE NATURE, as well as orientational metaphors in the political discourses of Russia, the United States and Great Britain.

The author comes to a conclusion that in political discourses of the three countries the best-case scenario is quite of an occasional character. The best-case variant of the future is dim and vague. It is primarily realised within non-metaphorical contexts or with the help of "common" metaphors.

The author pays special attention to the predictive potential of political metaphors and shows how the political metaphor organises the prognosticating political text, specifies its direction and focuses on the best-end scenario. The metaphor functions as a constitutive element of the forecast, connects its parts and linguistic components (tense and aspect forms of notional verbs, modal verbs and expressions, rhetorical questions, intertexts, means of emotive syntax, etc), incorporates them into an organic unity.

References

1. Farge, A. (2002) Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux [Thinking and defining the event in history. Approaches to situations and social acts]. *Terrain*. 38. pp. 69–78.
2. Solopova, O.A. (2016) *Lingvopoliticheskaya prognostika: sopostavitel'noe issledovanie modeley budushchego Rossii v politicheskikh diskursakh Rossii, SShA i Velikobritanii XIX v. (1855–1881) i XXI v. (2000–2014)* [Linguopolitical prognostication: a comparative study of models of the future of Russia in the political discourses of Russia, the United States and Britain of the 19th century. (1855–1881) and the 21st century. (2000–2014)]. Philology Dr. Diss. Ekaterinburg.
3. Bazylev, V.N. (2012) [Anticipation and language]. *Predvoskhishchenie i yazyk* [Anticipation and language]. Proceedings of the V all-Russian conference. Moscow. September 2012. Moscow: Modern University for the Humanities. pp. 9–50. (In Russian)
4. Danneberg, L. (2010) Smysl i bessmyslennost' istorii metafor [The meaning and meaninglessness of the history of metaphors]. Translated from German. In: Bedeker, Kh.E. (ed.) *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metafor* [History of concepts, the history of discourse, the history of metaphors]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Shaposhnikov, V.N. (2012) [Logic of advanced reflection in the system of the Russian language]. *Predvoskhishchenie i yazyk* [Anticipation and language]. Proceedings of the V all-Russian conference. Moscow. September 2012. Moscow: Modern University for the Humanities. pp. 287–306. (In Russian)
6. Judge, A. (1992) *Future coping strategies beyond the constraints of proprietary metaphors*. [Online] Available from: <http://www.laetusinpraesens.org>. (Accessed: 12th May 2005).
7. Electronic Fund of the National Library. (n.d.). [Online] Available from: <http://leb.nlr.ru>. (In Russian)

8. Top US Newspapers on the Internet: Online Editions. (n.d.). [Online] Available from: <http://www.thebigproject.co.uk/USNewspapers>.
9. UK Directory of Newspapers. (n.d.) *UK Daily Newspaper, Online Newspapers & Magazines List*. [Online] Available from: <http://www.free-onlinenewspapers.com/uk-newspapers-online.html>.
10. *UK Newspapers: national, local, daily, weekly, plus major magazines & portals*. (n.d.). [Online] Available from: <http://www.wrx.zen.co.uk/britnews.htm>.
11. US Newspapers. (n.d.) *US Newspaper List*. [Online] Available from: <http://www.usnpl.com>.
12. *US Newspapers Online*. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.onlinenewspapers.com/Top50/Top50-CurrentUS.htm>.
13. Minaev, M.V. (2008) *Amerikano-britanskiye otnosheniya v nachale XXI veka* [American-British relations at the beginning of the 21st century]. Abstract of Political Science Cand. Diss. Moscow.
14. Kondrat'eva, O.N. (2014) *Metaforicheskoe modelirovanie kontsepta "dusha" v drevnerusskoy lingvokul'ture* [Metaphorical modeling of the concept "soul" in Old Russian linguoculture]. Moscow: Izd-vo Pero.
15. Lissan, E. (1999) O sootnoshenii kontsepta "dom" s drugimi kontseptami v tekstakh russkoy kul'tury [On the relationship between the concept "house" and other concepts in the texts of Russian culture]. *Tekst: uzory kovra*. 4:1. pp. 103–105.
16. Stoyanova, E.V. (2013) *Metafora skvoz' prizmu lingvokul'turnoy situatsii* [Metaphor in the light of the linguistic and cultural situation]. Shumen: UI "Episkop Konstantin Preslavski".
17. Vengerov, A.B. (1992) Politicheskoe prostranstvo i politicheskoe vremya (opyt strukturirovaniya ponyatiy) [Political space and political time (experience of structuring the concepts)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 6. pp. 49–63.
18. Andreev, A.R. (1999) *Posledniy kantsler Rossiyskoy imperii. Aleksandr Mikhaylovich Gorchakov. Dokumental'noe zhizneopisanie* [The last Chancellor of the Russian Empire. Alexander Mikhailovich Gorchakov. Documentary biography]. Moscow: Belyy volk, Oblizdat.
19. Turbina, O.A. (2013) Priroda emotivnogo sintaksisa i ego kategorii [The nature of the emotional syntax and its categories]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Ser. Lingvistika*. 10:2. pp. 4–9.
20. Gramercy Books. (1996) *Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language*. New York: Gramercy Books.
21. Popkova, E.M. (2009) Funktsii rasshcheplennogo infinitiva na frazematicheskom i propozematischeskom urovnyakh yazyka [Functions of the split infinitive on the phrasematic and propozematic levels of the language]. *Voprosy filologicheskikh nauk*. 6. pp. 46–50.
22. CUP. (2009) *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Cambridge: Cambridge University Press.